

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'373.2

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-183-193>

Шифр научной специальности 5.9.5

Фразеологизмы с семантикой «зло» в русском и кыргызском языках

Авасхан Курбанбековна Орозова

Международный университет «Ала-Тоо»
720048, Кыргызская Республика, г. Бишкек, ул. Анкара, 1/8
 orozova-22@mail.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Базовое этическое представление о зле, вступающее в оппозицию с добром, отмечается в человеческих коллективах в разные исторические эпохи и в разных культурах, что находит отражение в такой языковой единице, как фразеологизм, который имеет место в словарном запасе носителя любого языка. Цель исследования – показать результаты сопоставительного анализа русских и кыргызских фразеологизмов с семантикой «зло», раскрыть национально-культурную специфику понятия «зло» как этнически значимого представления о нравственном характере человека. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Материалом исследования послужили лексикографические источники и картотека, составленная автором по наблюдениям за спонтанной речью и фразеупотреблением в живой речи носителей русского и кыргызского языков. Использовались методы сплошной выборки фактического материала, дефиниции, сопоставления; основным методом послужил описательно-аналитический. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Анализ фразеологизмов русского и кыргызского языков с семантикой беспощадности, жестокости и злобности показал, что они отражают не только эмоциональные аспекты человеческой природы, но и особенности культур. В кыргызском языке широко используются такие артефакты, как «меч», «кнут», «кровь» и «яд», которые передают сложные человеческие чувства и моральные пороки. Для выражения негативных качеств используются соматические фразеологизмы, в русском языке преобладают фразеологизмы с зоонимами, объективирующими собственно национальные черты и лингвокультурологическую значимость. Фразеологизмы с семантикой образа злого человека в сопоставляемых языках характеризуются метафорической составляющей, которая отражает национально специфический характер носителей языков. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Анализ фразеологизмов со значением «зло» в русском и кыргызском языках выявил влияние культурных особенностей на их семантику, образность и структуру, отражая специфику восприятия негативных качеств в каждой культуре. Результаты исследования подчёркивают значимость изучения фразеологизмов для углублённого понимания исторического и социального опыта народов, их ментальности и ценностей. Перспективным направлением дальнейших исследований является расширение сравнительного анализа с включением других языков и культур для изучения универсальных и уникальных аспектов восприятия зла.

Ключевые слова: фразеологизм, семантика, зло, русские фразеологизмы, кыргызские фразеологизмы, соматические фразеологизмы, национальная культура

Благодарности. Выражаю благодарность сотрудникам научно-образовательного центра «Русист» при кафедре русского языка ТГУ им. Г.Р. Державина за консультирование при написании статьи.

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора: А.К. Орозова – разработка концепции исследования, сбор и анализ научной литературы, работа со словарями и авторской картотекой, анализ фразеологизмов русского и кыргызского языков, написание черновика рукописи, редактирование рукописи.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Орозова А.К. Фразеологизмы с семантикой «зло» в русском и кыргызском языках // Неофилология. 2025. Т. 11. № 1. С. 183-193. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-183-193>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-183-193>

OECD 6.02; ASJC 1203

Phraseological units with the semantics of “evil” in Russian and Kyrgyz languages

Avaskhan K. Orozova

Ala-Too International University

1/8 Ankara St., Bishkek, 720048, Kyrgyz Republic

 orozova-22@mail.ru

Abstract

INTRODUCTION. The basic ethical idea of evil, which comes into opposition with good, is noted in human communities in different historical eras and in different cultures, which is reflected in such a linguistic unit as phraseology, which takes place in the vocabulary of a native speaker of any language. The purpose of the study is to present the results of a comparative analysis of Russian and Kyrgyz phraseological units with semantics of “evil”, to reveal the national and cultural specifics of the concept “evil” as an ethnically significant idea of the moral character of a person. **MATERIALS AND METHODS.** The research material is lexicographic sources and a card index compiled by the author based on observations of spontaneous speech and phrase use in live speech of speakers of Russian and Kyrgyz languages. Methods of continuous sampling of factual material, definition, and comparison are used; The main method is descriptive and analytical. **RESULTS AND DISCUSSION.** An analysis of the phraseological units of the Russian and Kyrgyz languages with the semantics of ruthlessness, cruelty and malice showed that they reflect not only the emotional aspects of human nature, but also the characteristics of cultures. The Kyrgyz language makes extensive use of artifacts such as “sword”, “whip”, “blood”, and “poison”, which convey complex human feelings and moral vices. To express negative qualities, somatic phraseological units are used; in the Russian language, phraseological units with zoonims predominate, objectifying the national traits themselves and linguistic and cultural significance. Phraseologisms with the semantics of the image of an evil person in the compared languages are characterized by a metaphorical component that reflects the nationally specific nature of native speakers. **CONCLUSION.** The analysis of phraseological units with the meaning of “evil” in Russian and Kyrgyz languages has revealed the influence of cultural characteristics on their semantics, imagery, and structure, reflecting the specifics of perceiving negative traits in each culture. The results of the study emphasize the importance of examining phraseological units to gain a deeper understanding of the historical and social experience of peoples, their mentality, and values. A promising direction for further research is the expansion of comparative analysis to include other languages and cultures in order to explore the universal and unique aspects of the perception of evil.

Keywords: phraseological units, semantics, evil, Russian phraseological units, Kyrgyz phraseological units, somatic phraseological units, national culture

Acknowledgments. I express my gratitude to the staff of the Scientific and Educational Center “Rusist” at the Russian Language Department of Derzhavin Tambov State University for advice on manuscript writing.

Funding. This research received no external funding.

Author’s Contribution: A.K. Orozova – research concept development, scientific literature collection and analysis, working with dictionaries and author’s card catalogs, analysis of Russian and Kyrgyz phraseological units, writing - original draft preparation, manuscript editing.

Conflict of Interests. The author declares no relevant conflict of interests.

For citation: Orozova, A.K. Phraseological units with the semantics of “evil” in Russian and Kyrgyz languages. *Neofilologiya* = *Neophilology*, 2025;11(1):183-193. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-183-193>

ВВЕДЕНИЕ

Как известно, к понятию «фразеологизм» обращался в своё время М.В. Ломоносов, который для неделимых особых языковых знаков использовал термины «фразесы», «идиоматизмы». Фразеология как самостоятельная лингвистическая дисциплина (идея принадлежит Е.Д. Поливанову) сформировалась только в 40-е гг. XX века. Путь становления фразеологии как особой лингвистической дисциплины подробно освещён в работах В.Н. Телии [1]. Цель исследования – провести сопоставительный анализ русских и кыргызских фразеологизмов с семантикой «зло», раскрыть национально-культурную специфику понятия «зло» как этнически значимого представления о нравственном характере человека.

Сравнительная характеристика фразеологизмов в кыргызском и русском языках рассматривалась в структурном плане, выявлены именные, глагольные, наречные виды фразеологизмов [2]. При рассмотрении фразеологизма как языковой единицы учёные особо обращают внимание на один из важных его компонентов – «образность (или метафоричность)», то есть значение устойчивого словосочетания формируется с помощью образно мотивирующей метафоры, которая изначально отсылает к непрямому значению [3]. Это не прямое значение формирует вторичность фразеологизма, то есть единицы вторичной номинации, что связано с ограниченными языковыми средствами и неисчерпаемостью ассоциаций и концептуального содержания того или иного слова.

В последнее десятилетие активно развивается лингвокультурология, в рамках которой наиболее эффективными являются сопоставительные исследования, выявляются

как уникальные, так и национально культурные различия в восприятии окружающей действительности, концептуализирующие представление о зле. Так, фразеологизмы со значением «зло» рассматриваются как концептуально-метафорические модели этического концепта «зло» [4].

Для современной лингвистики являются актуальными вопросы, раскрывающие национальную картину мира. «Язык как зеркало культуры является одновременно зеркалом системы ценностей того или иного народа, отражает глубокие архетипические представления нации о константах мироздания – добре и зле... Именно культурные ценности, нашедшие выражение в языковой картине мира, позволяют проникнуть в «душу» той или иной лингвокультуры» [5, с. 84].

Фразеологизмы, отражающие значение «зло», являются важной частью языковой картины мира, поскольку они ярко иллюстрируют культурные особенности народов, формирующих этническую языковую картину мира. Зло, как одно из негативных качеств человека, проявляется в таких чертах, как жестокость, подлость, хитрость и злоба, «коварство, двуличие и лицемерие и сопутствующие им качества <...> вероломство, предательство» [6, с. 144], что находит отражение во всех языках. Исследование фразеологизмов с этим значением в русском и кыргызском языках позволяет выявить общие и уникальные черты восприятия и выражения зла, которые формируются под влиянием культурных, исторических и социальных факторов, присущих каждой из двух языковых и культурных систем.

Характеристика однонаправленной метафорической модели «зло – человек», репрезентирующей культурологические знания о злом человеке и категориальную отнесён-

ность объекта номинации, в русском и кыргызском языках представлена недостаточно.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом исследования послужили лексикографические источники. Были использованы словари русского¹ и кыргызского² языков, из которых методом сплошной выборки изъятые фразеологические единицы, и картотека, составленная автором по наблюдениям за спонтанной речью и фразеупотреблением в живой речи носителей русского и кыргызского языков.

Методика исследования сочетает в себе общелингвистические методы (наблюдение, сравнение, интерпретация, обобщение). Использовался сопоставительный метод, позволивший выявить национально-культурное содержание фразеологизмов; метод анализа фразеологизмов с целью установления корпуса фразеологизмов с семантикой «зло»; для установления смысла фразеологизма использовался метод дефиниции; метод системного анализа, объединяющий классификацию и обобщение наблюдаемых связей между языковыми элементами, описательно-аналитический анализ позволил комплексно

исследовать русскую и кыргызскую фразеологию. Всего в рамках настоящей работы было проанализировано 85 фразеологизмов, представляющих образы злого человека в русском и кыргызском языках.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ментальную, или когнитивную, модель «зло – человек» формируют область-источник (сопоставляемые реалии) и область-мишень – человек. Эти области обеспечивают разные способы конфигурирования концептуального содержания фразеологической единицы в сопоставляемых языках.

Понятие «зло» находит отражение в описании человеческого характера, таких как жестокость, беспощадность и злоба. Так, чувства «беспощадность», «безжалостность» как аспект нравственного зла характеризуются отсутствием у человека сочувствия, его готовность к крайней жестокости. В русском языке это качество отражается в ряде фразеологизмов с яркой экспрессивной окраской. Например, выражение *драть/отдрать* как *сидорову козу* («прост. экспрес.») используется в значении «жестоко, беспощадно бить», «наказывать». Ср.: «*Боярин, – сказал Перстень, удаляясь, – послушай меня, не хвались на Москве, что хотел повесить слугу Малюты Скуратова и потом отдрал его как сидорову козу!*» (А.К. Толстой «Князь Серебряный»). «*Это, ваше благородие, Аксютин так мелет потому, что его самого драли как Сидорову козу... У него и три зуба вышиблено от чужого, можно сказать, зверства...*» (К.М. Станюкович «Вокруг света на «Коршуне»).

В приведённых примерах словосочетание *сидорова / Сидорова коза* (в настоящее время фразеологический оборот пишется со строчной буквы) восходит к русскому простонародному имени Сидор. Это имя широко использовалось в русских пословицах и поговорках, например: «*Фофан с толокном, а Сидор с волокном*»; «*У Сидора обычай, а у Карпа свой*»). Распространённость в народе имени Сидор послужила появлению фразеологизма, в котором используется зооним «коза». Это домашнее животное имеет строптивый характер, о чём говорится и в русской, и

¹ Яранцев Р.И. Русская фразеология: словарь-справочник: Москва: Рус. яз. Медиа, 2008. 896 с.; Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. Москва: АСТ-Пресс книга, 2006. 784 с.; Козлова Т.В. Идеографический словарь русских фразеологизмов с названиями животных. Москва: Дело и Сервис, 2001. 208 с.; Мокиенко В.М., Феллецина В.П. Русские фразеологизмы. Лингвострановедческий словарь / под. ред. З.М. Верещагина, В.Г. Костомарова. Москва: Рус. яз., 1990. 220 с.; Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. Санкт-Петербург: Фолио-Пресс, 1998. 704 с.; Розе Т.В. Большой фразеологический словарь для детей. Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2009. 224 с.

² Русско-кыргызский словарь / под. ред. К.К. Юдахина. Бишкек: Шам, 2000. 992 с.; Өнөр алды-кызыл тил. ЖОЖдун студенттери үчүн түзүлгөн фразеологиялык минимумдун түшүндүрмө сөздүгү / А. Осмонкулов, А.Р. Акунова Бишкек, 2007. 160 б. URL: https://new.bizdin.kg/media/books/%D3%A8%D0%BD%D3%A9%D1%80_%D0%B0%D0%BB%D0%B4%D1%8B_%D0%BA%D1%8B%D0%B7%D1%8B%D0%BB_%D1%82%D0%B8%D0%BB.pdf (дата обращения: 15.10.2024).

в кыргызской сказках «Упрямые козы». Злой Сидор мог наказать упрямую козу, то есть «выпороть (или «выдрать»)), поэтому за именем закрепилась отрицательная коннотация: Сидор за провинность козы драл (бил) и безжалостно наказывал её. Возможно, этимология этого фразеологизма восходит к искажённому арабскому выражению «садар ка-за», то есть «приговор судьи».

Аналогичное значение имеет и выражение *стереть в порошок* («прост.» жестоко, беспощадно расправиться с кем-либо).

В русском языке жестокость как моральное качество часто сравнивается с образом грабежа или физического насилия. Такие фразеологизмы, как *ободрать как липку* («разг.», «экспресс.» отбирать всё дочиста, грабить кого-либо) и *кормить кулаками* («экспресс.» избивать, колотить, лупить кого-либо) подчёркивают насильственный характер поведения. Кроме того, выражение *сердце обросло мохом* («экспрес.» кто-то стал чёрствым, бездушным, жестоким) акцентирует внимание на внутренней эмоциональной чёрствости, сопутствующей жестокости.

Злоба, проявляющаяся в намерении причинить вред, выражена в ряде устойчивых русских и кыргызских оборотов. Например, русский фразеологизм *точить зубы* («предосуд.» испытывать чувство злобы против кого-либо или чего-либо, желая причинить вред) подчёркивает внутреннее напряжение и готовность к агрессии. Чувство злобы может проявляться в обмане или манипуляции, что передаётся выражением *наводить тень на плетень* («ирон.» намеренно осложнять что-либо, вводить в заблуждение кого-либо). Русские фразеологические единицы *довести до белого каления* («разг.» приводить в состояние крайнего раздражения, полной потери самообладания) и *довести до греха* («разг.», «экспрес.» чрезмерно рассердить, разозлить кого-либо) иллюстрируют злобу человека через её воздействие на эмоциональное состояние человека.

Для описания беспощадных людей в кыргызском языке часто используются образы, связанные с жестокими и неумолимыми действиями. Например, выражение *жан алгыч* (=букв. «забирающий жизнь») символи-

зирует абсолютное отсутствие жалости у человека, готового причинить боль и даже лишить другого жизни. Похожее значение имеет выражение *баши кесер* (= букв. палач), которое подчёркивает беспощадность и бездушность. Оно отражает образ человека, чьи действия несут страдания и смерть, напоминающая о строгости карательных традиций прошлого. Фразеологизм *кылычынан кан тамган* (= букв. «кровь, капающая с его меча») переносит нас в историческую реальность, где меч был символом власти, силы и способности принимать жестокие решения. Образ *бир көзүнөн кан, бир көзүнөн жаш алуу* (= букв. «кровь с одного глаза, а с другого – слёзы») описывает боль и страдания, причинённые одновременно на физическом и эмоциональном уровне. Темы жестокости в кыргызских фразеологизмах часто связаны с физическими наказаниями или суровым отношением. Например, выражение *жон терисин сыйруу* (= букв. «снимать кожу») используется для описания крайней жестокости, когда наказание становится почти невыносимым. Образ *жундой сабоо* (= букв. «бить как шерсть») ярко передаёт сцену избиения, где жестокость становится главным действием. Фразеологизм *төбөсүнө камчы ойготуу* (= букв. «пороть плетью по голове») акцентирует внимание на силе и принуждении, подчёркивая эмоциональную или физическую боль, нанесённую человеку. Образные выражения типа *кан жалаган иттей кылуу* (= букв. «как собака, лижущая кровь») и *уу тырмак* (= букв. «ядовитый коготь») усиливают впечатление о крайней агрессивности и безжалостности человека, чьи действия сравнимы с поведением хищника.

Злоба в кыргызских фразеологизмах раскрывается через образы скрытых намерений и мрачных чувств. Выражение *кара мүртөз* описывает злопамятного и мстительного человека, чья злоба остаётся внутри, но всегда готова выплеснуться наружу. Фразеологизм *кара ниет* (= букв. «чёрное намерение») подчёркивает наличие злонамеренных планов и подлых мыслей, что символизирует человека, движимого коварством. Образ *жылан өлтүрөйүн десе, таш алып бербеген* (= букв. «даже камень не подаст, когда собираешься

убить змею») передаёт идею полного равнодушия к чужой беде. Такой человек не готов помочь даже в очевидной ситуации, где его помощь была бы уместной.

Такие символы, как МЕЧ, КНУТ, КРОВЬ или ЯД, стали областью-источником для области-мишени «человек», с помощью универсальных метафор выражаются не только пороки, но и сложные человеческие чувства.

Злой человек обладает такими качествами, как хитрость и подлость. Русский фразеологизм *волк в овечьей шкуре* – это человек, скрывающий свои злобные намерения. Злой человек часто сравнивается со *змеёй/змеюкой/гадюкой подкольной* или именуется *гадом ползучим*, что подчёркивает его «злой, скверный характер». Коварство нередко ассоциируется с выражением *коварный, как змея*, указывающим на изощрённую хитрость в поведении. Злые люди нередко вредят окружающим и прибегают к различным уловкам. Они могут намеренно *подставить ножку* (кому-либо в чём-либо навредить), *водить за нос* (обманывать), *заговаривать зубы* (вводить в заблуждение, обманывать), *делать дурачку* (выставлять кого-либо глупом положении). Злой человек сочетает в себе коварство, лицемерие и стремление причинить вред окружающим. Его действия нередко скрыты за обманчивой маской добродетеля, что делает его особенно опасным для доверчивых людей.

В кыргызском языке отмечаются выражения, которые подчёркивают эти отрицательные качества, например, *жүргөн жерине чоп чыкпоо* – человек, который после себя оставляет только следы разрушений и неприятности, создавая проблемы в окружающей среде, словно после его шагов не растёт трава. Выражение *күн карама* (= букв. «следить за солнцем») означает, что человек, меняющий свои убеждения или поведение в зависимости от ситуации, подобно лицемеру, всегда выбирает сторону сильного. Фразеологизм *мышык сопу* означает «кот-праведник» и используется для описания хитреца и лицемера, который мастерски скрывает свои истинные намерения за приятными словами и манерами, обманывая ок-

ружающих. Выражение *эки жүздүү* означает двуличного человека, скрывающего своё настоящее намерение, проявляя лицемерие и обман. Фразеологизм *апкөй тил* (= букв. «притворно-ласковый язык») характеризует того человека, который скрывает свои злые намерения. Это способ проявления хитрости и обмана, когда слова кажутся добрыми, но за ними скрывается манипуляция злом. *Бут тосуу* (= букв. «ставить подножку») говорят о человеке, который намеренно вмешивается в жизнь окружающих, усложняет её. Подобные люди часто действуют скрытно, как *кыл курт* (= букв. «тонкий червь») – человек действует незаметно, обманывая и подрывая доверие других, не показывая своих истинных намерений.

Для того чтобы скрыть свои истинные намерения, злые люди могут использовать стратегию сокрытия своей злобной сущности под маской добродетеля: *кой терисин жамынган* (= букв. «носить шкуру овцы»). Это типичный пример лицемерия, когда человек прикрывает свои злобные намерения и обманывает окружающих, но при этом показывает внешнюю доброту. Фразеологизм *ичи ала* (= букв. «пёстрая внутренность») употребляется в отношении человека, обладающего двуличием и нечистыми помыслами, который имеет коварные и злые намерения.

Таким образом, в русской и кыргызской культуре есть множество выражений, которые точно и ярко описывают злых людей, скрывающих свои чувства, подстраивающихся под выгодные ситуации и манипулирующих другими.

Особо обращают на себя внимание фразеологизмы с соматическим компонентом. Учёные отмечают, что соматическая фразеология являет собой «наиболее древний пласт номинативной лексики» [7, с. 126].

В русском языке соматические фразеологизмы, используемые для описания злого человека, отражают не только негативные черты характера, но и способы проявления агрессии, жестокости или эгоизма. Они тесно связаны с органами тела, что делает выражения особенно яркими и наглядными, например: *чужими руками жар загребать* («пользоваться в своих корыстных целях результа-

тами чужого труда»). Этот фразеологизм показывает хитрость и манипулятивность, подчёркивая, что злой человек использует других для достижения своих целей. Выражение *сломать башку* («экспрес.» сильно покалечить, убить кого-либо) описывает крайние проявления физической жестокости, которые ассоциируются со злобой и агрессией. Фразеологизм *нагреть руки* («предосуд.» наживаться за счёт кого-либо или чего-либо) указывает на жадность и бесчестность, характеризует человека, который стремится любыми способами достичь личную выгоду. *Иродова душа* («устар., прост., бран.» жестокий, скверный человек). Это выражение, связанное с библейским царём Иродом, подчёркивает крайнюю жестокость и бесчеловечность. *Сидеть на хребте* («экспрес.» жить чужим трудом; паразитируя, пользоваться плодами чьего-либо труда) указывает на паразитический образ жизни и эксплуатацию других людей. Устойчивое выражение *высосать кровь* (безжалостно обирать кого-либо, жестоко эксплуатирова) ассоциируется с вампиром, символизируя крайнюю степень эксплуатации. *Трепать нервы* («экспрес.» расстраивать, заставлять нервничать кого-либо).

Злые люди часто доставляют эмоциональные страдания, вызывая раздражение и стресс, ср.: *пить кровь* («презр.» жестоко притеснять, мучить кого-либо), *выпустить кишки* («прост.» зарезать, убить кого-либо) прямо описывает крайнюю степень жестокости, связанную с физическим насилием; *руки чешутся* (испытывать острое желание побить кого-либо, подраться с кем-либо) выражает агрессивные намерения и нетерпение в применении насилия. *Рука зудит* («экспрес.» кто-либо испытывает неодолимое желание рассчитаться с кем-либо, отомстить кому-либо). Фразеологизм *нависеть в уши* («предосуд.» наговорить кому-либо что-либо неприятное) подчёркивает желание мстить или наказать кого-либо, указывает на обман или злонамеренное воздействие.

Кыргызские фразеологизмы с соматическим компонентом занимают особое место в языке, поскольку они ярко и образно отражают человеческие качества, поступки и эмоции злого человека. *Тишин кайроо*

(= букв. «точить зубы») описывает человека, вынашивающего планы мести или вражды, скрывающего злобу, но готового нанести удар. *Желкеси тырышуу* (= букв. «напряжённая шея») означает сердиться, проявлять гнев. Эта метафора акцентирует видимую напряжённость человека, готового к агрессивным действиям. *Таманына ийиш кагуу* (= букв. «вбивать шипы в пятку») означает сознательное причинение боли, унижения или жестокого обращения. *Бут тосуу* (= букв. «ставить подножку») – это намеренное создание препятствий, чтобы навредить другому. *Терисин тескери сыйруу* (= букв. «перевернуть кожу наизнанку») символизирует крайнюю жестокость, преднамеренное причинение вреда. *Жоон муштум* (= букв. «большой кулак») – действовать грубой силой. Фразеологизм *Жузү каралык* (= букв. «чёрное лицо») – характеристика человека, чьё выражение лица или поведение передаёт агрессию, злость или враждебность. *Желкеге минуу* (= букв. «сесть на шею») – злоупотреблять добротой другого человека в своих интересах. *Ичи бузук* (= букв. «испорченный изнутри») говорят о человеке, склонном к преступлениям. *Кара ооз* (= букв. «чёрный рот») – о человеке, который использует свой язык как оружие для оскорблений, клеветы или унижений других. Выражение *кеби суук* (= букв. «холодное, противное лицо») акцентирует внимание на том, что человек не проявляет сострадания и эмпатии, наоборот, относится к чужим страданиям с отстранённостью и жестокостью.

Основополагающий дифференциальный признак устойчивости проявляется в любых устойчивых единицах в любом языке. Однако понятие «устойчивость» в теории фразеологии рассматривается по-разному. Е.Ю. Белозёрова выделяет три понимания устойчивости фразеологической единицы в языке, а именно: 1) устойчивость = константность компонентов; 2) устойчивость = константность в содержании или значении; 3) устойчивость = константность в соотношении формы и содержания» [8, с. 82].

В зооморфных метафорах, формирующих устойчивую единицу с семантикой «зло», и в русском, и кыргызском языках преобладает ядерная лексема «собака», кото-

рая ассоциируется со злым человеком. Несмотря на традиционное восприятие в русской культуре этого животного как друга человека, фразеологические выражения с этим зооморфным компонентом приобретают негативный оттенок. Так, выражения *собачий огрызок* («презр.» о человеке ничтожном, не стоящем внимания), *собачья душа* («бран.» о скверном человеке) передают противоречие между общепринятым представлением о собаке как о верном друге.

Для выражения злобы и агрессии в кыргызском языке фразеологизм *ичине ит өлүү* (= букв. «внутри собака сдохла»), что означает скрытую зависть и недоброжелательность. Фразеологизм *ит өлүк кылуу* (= букв. «убить подобно собаке») – сильно опозорить, унижить человека, чтобы он потерял уважение в глазах других. *Ит корбогон кордукту корсотуу* (= букв. «почувствовать унижение, которое даже собака не испытывала») описывает крайнюю степень унижения и страдания. Эти выражения демонстрируют культурные представления о собаке как о низшем существе.

Ярким является фразеологизм *ичинде кара чаар жыланы бар* (= букв. «внутри имеется гремучая чёрная змея»), который обозначает человека с нечистыми, злыми намерениями. *Жыландай ышкыруу* (= букв. «шипеть как змея») означает ярость и злобу, которые выражаются в резких словах или поведении. Образ змеи в кыргызских фразеологизмах придаёт выражению яркую эмоциональную окраску. Фразеологизм *ичинде ала курту бар* (= букв. «внутри есть пятнистый червь») акцентирует внимание на скрытой хитрости и нечестности, указывая на внутренние пороки, которые не всегда заметны окружающим. Выражение *карышкырга кой кайтаруу* (= букв. «довериться волку пасти овец») используется для описания глупого и опасного поступка, когда доверяешь человеку, который явно способен причинить вред. *Жылкы кыял или жылкы мүнөз* (= букв. «лошадиный характер») характеризует человека как вспыльчивого и злобного, подчёркивая непредсказуемость и резкость его поведения. Фразеологизм *кара чычкан аралатуу* (= букв. «запустить чёрную мышь») метафорически

описывает внесение разлада и смуты в отношения между людьми.

Таким образом, фразеологизмы с соматическими и зооморфными компонентами как в русском³, так и в кыргызском языке [9] выполняют важную функцию – они отражают сложные социальные и эмоциональные состояния через метафорические образы, поскольку «экспрессивно-оценочная метафора является механизмом, развивающим переносное значение, которое служит для характеристики и оценки определённых свойств субъекта» [10, с. 110]. Эти устойчивые выражения не только фиксируют черты национального характера, но и сохраняют в языках важные элементы мировоззрения. При этом «в основе метафоризации лежит когнитивной механизм аналогии» [11, с. 428]. Механизм аналогии ориентирует вектор ассоциации между областью-источником (сопоставляемыми реалиями) и областью-мишенью – человек.

Область-источник в сопоставляемых языках объективирует зоонимы, соманизмы, артефакты и т. п. Дж. Лакофф считал, что метафора – это «когнитивный инструмент для понимания абстрактных понятий и абстрактного мышления» [12, р. 244]. Иными словами, концептуальная метафора отражает ментальные проекции между областью-источником и областью-мишенью («from a source domain to a target domain») [13, р. 58]. Механизм аналогии при создании фразеологизмов проявляется на уровне образов, а образная аналогия определяет «метафорический характер языка» [11, с. 429]. Аналогия выстраивается на механизме сравнения знаний человека об окружающей действительности – способности человека перенести уже имеющиеся знания о реалиях в область-мишень «человек».

Механизм выделения области, из которой заимствована метафора («сфера-донор») [14]), обеспечивает фокусировку внимания и

³ Милованова А.И. Ключевые компоненты фразеологизмов, выражающих своё значение через наименование нереального явления, как вербализаторы лингвокультурного кода русского народа: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2021. 189 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01010833985> (дата обращения: 18.10.2024).

закладывает метафорические модели: зоонимическую, соматическую или синестетическую (по Н.Д. Арутюновой), в основе которой лежит способ восприятия сходств предметов или явлений (например, такие зрительные образы, как меч или кнут или зооморфный образ змеи в русской культуре (*пригнать змею на шею, змея подколенная*), который в большей степени соотносится не с животным миром, а с христианским верованием [15, с. 43] и отражает культурный код этноса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ фразеологизмов с семантикой «зло» в русском и кыргызском языках, связанных с беспощадностью, жестокостью и злобой, показал, что они образуются в результате метафоризации и сравнения, отражают не только эмоциональные аспекты человеческой природы, но и особенности культур. В русском языке в составе фразеологизмов со значением «зло» преобладают зоонимические компоненты, в кыргызском языке широко используются такие артефакты, как меч, кнут, кровь и яд, которые передают сложные человеческие чувства и моральные пороки, являясь доминантами лингвокультурного кода кыргызского народа. Это связано с тем, что кыргызские фразеологизмы отражают кочевую культуру, где выживание зависело от силы, решимости и способности защищать своё, поэтому фразеологические единицы кыргызского языка вобрали в себя переживания поколений, формировавшиеся в

условиях кочевой жизни, где борьба за выживание требовала жёсткости, а иногда и суровой беспощадности.

Фразеологизмы обеих культур характеризуют злых людей, склонных к манипуляции, хитрости и подлости. Соматические фразеологизмы со значением «зло» в обоих языках усиливают их эмоциональную и смысловую нагрузку, обогащают языковую картину мира и помогают глубже понять социальные нормы и моральные ценности.

Фразеологизмы, отражающие значение зла, демонстрируют как универсальные, так и специфические для каждой культуры особенности восприятия негативных качеств. Их изучение подтверждает культурную обусловленность и отражает исторические и социальные реалии народов. Сопоставление русских и кыргызских фразеологизмов способствует углублённому пониманию культурных кодов и межкультурной коммуникации.

В условиях активного развития межкультурной коммуникации уникальная этнокультурная окраска национальных языков, которая раскрывает особенности мировосприятия народов, самобытна. Изучение языкового материала через призму национально-культурного опыта позволяет глубже понять исторические корни, традиционные духовные ценности и особенности мировоззрения различных этносов. Особую значимость в этом контексте приобретает фразеологический фонд языка, выступающий богатым источником сведений о культуре, ментальности и социальном опыте народа.

Список источников

1. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва: Шк. «Яз. рус. культуры», 1996. 288 с. <https://elibrary.ru/sumhnj>
2. Намазова З.Ш., Губашева М.С. Изучение фразеологизмов кыргызского и русского языков в условиях двуязычия и многоязычия // Вестник кыргызского государственного университета строительства, транспорта и архитектуры им. Н. Исанова. 2019. № 4 (66). С. 624-627. <https://doi.org/10.35803/1694-5298.2019.4.624-627>, <https://elibrary.ru/krkens>
3. Медведева Н.П., Парамонова Е.А., Холодионова С.И. Фразеологизм как языковая единица // Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 101. № 6. С. 117-121. <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2023-101-6-117-121>, <https://elibrary.ru/dmtfha>
4. Ван Т. Модели концептуальных метафор этического концепта «зло» в русской фразеологии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2021. № 3. С. 162-166. https://doi.org/10.52452/19931778_2021_3_162, <https://elibrary.ru/qbqwss>

5. Ратникова А.Г. Лингвокогнитивный аспект семантики и прагматики при сопоставительно-лингвострановедческом подходе к обучению русскому языку как иностранному (в свете лингвострановедческой теории слова Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова) // Основы теории и практики обучения языку как средству межкультурной коммуникации с учётом национальной культуры адресата. Москва: РИОР, 2023. С. 84-116. <https://doi.org/10.29039/02121-7>, <https://elibrary.ru/nqqtan>
6. Кориунов Ю.В. Зооморфные метафоры, обыгрывающие коварство, двуличие и лицемерие человека, в русской и английской лингвокультурах // Вестник Башкирского университета. 2021. Т. 26. № 1. С. 144-150. <https://doi.org/10.33184/bulletin-bsu-2021.1.23>, <https://elibrary.ru/unbdsq>
7. Батунова И.В., Лобынева Е.И., Николаева А.Ю. Специфика соматических фразеологических единиц с отдельными соматическими компонентами // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 2-3 (116). С. 126-129. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.116.2.093>, <https://elibrary.ru/jjwuxm>
8. Белозёрова Е.Ю. Когнитивный аспект анализа современных фразеологических единиц английского языка // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2020. № 5 (211). С. 80-86. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2020-5-80-87>, <https://elibrary.ru/bpzynu>
9. Асылбекова Ч.А., Асылбекова Б.А. Фразеологические соматизмы кыргызского языка // Вестник Кыргызстана. 2021. № 1-1. С. 7-12. [https://doi.org/10.33514/-1694-7711-2021-1\(1\)-7-12](https://doi.org/10.33514/-1694-7711-2021-1(1)-7-12), <https://elibrary.ru/cuncnf>
10. Кислицына Н.Н., Мельниченко Т.В. Особенности передачи коннотации при переводе экспрессивно-оценочных метафор в публицистических текстах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 3-1 (81). С. 108-111. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-3-1.29>, <https://elibrary.ru/yqmhlo>
11. Исаева И.П. Метафора в зеркале аналогии // Когнитивные исследования языка. 2024. № 2-2 (58). С. 428-431. <https://elibrary.ru/ifjxnc>
12. Lakoff G. The contemporary theory of metaphor // Metaphor and Thought. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 202-251. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139173865.013>
13. Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the flesh: the embodied mind and its challenge to Western thought. New York: Basic Books, 1999. 624 p. <https://doi.org/10.5860/choice.37-0239>
14. СклярOVA О.С. Метафора как лингвокогнитивный механизм формирования художественной картины мира // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 4 (147). С. 113-116. <https://elibrary.ru/pbirkа>
15. Кандыбина А.В. Отражение представлений о добре и зле в русских фразеологизмах // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 6-4 (81). С. 42-44. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2023-6-4-42-44>, <https://elibrary.ru/wujazj>

References

1. Teliya V.N. *Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic and Linguocultural Aspects*. Moscow, Shkola "Yazyki russkoi kul'tury" Publ., 1996, 288 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/sumhnj>
2. Namazova Z.Sh., Gubasheva M.S. Study of phraseologies of the Kyrgyz and Russian languages conditions of bilingualism and multilingualism. *Vestnik kyrgyzskogo gosudarstvennogo universiteta stroitel'stva, transporta i arkhitektury im. N. Isanova = The Herald of Kyrgyz State University of Construction, Transport and Architecture named after N. Isanov*, 2019, no. 4 (66), pp. 624-627. (In Russ.) <https://doi.org/10.35803/1694-5298.2019.4.624-627>, <https://elibrary.ru/krkcns>
3. Medvedeva N.P., Paramonova E.A., Kholodionova S.I. Phraseologism as a language unit. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki = The Humanities and Social Sciences*, 2023, vol. 101, no. 6, pp. 117-121. (In Russ.) <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2023-101-6-117-121>, <https://elibrary.ru/dmtfha>
4. Van T. Models of conceptual metaphors of the ethical concepts "evilness" in Russian phraseology. *Vestnik Nizhegorodskogo Universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2021, no. 3, pp. 162-166. (In Russ.) https://doi.org/10.52452/19931778_2021_3_162, <https://elibrary.ru/qbwss>
5. Ratnikova A.G. Linguocognitive aspect of semantics and pragmatics in the comparative linguocountry studies approach to teaching Russian as a foreign language (in the light of the linguocountry studies theory of word by E.M. Vereshchagin and V.G. Kostomarov). *Fundamentals of the Theory and Practice of Teaching Language as a Means of Intercultural Communication, Considering the National Culture of the Addressee*. Moscow, RIOR Publ., 2023, pp. 84-116. (In Russ.) <https://doi.org/10.29039/02121-7>, <https://elibrary.ru/nqqtan>

6. Korshunov Yu.V. Zoomorphic metaphors playing on deceit, duplicity and hypocrisy of a person in Russian and English linguocultures. *Vestnik Bashkirskogo Universiteta*, 2021, vol. 26, no. 1, pp. 144-150. (In Russ.) <https://doi.org/10.33184/bulletin-bsu-2021.1.23>, <https://elibrary.ru/unbdsq>
7. Batunova I.V., Lobyneva E.I., Nikolaeva A.Yu. The specifics of somatic phraseological units with separate somatic components. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal = International Research Journal*, 2022, no. 2-3 (116), pp. 126-129. (In Russ.) <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.116.2.093>, <https://elibrary.ru/jjwuxm>
8. Belozeroва E.Yu. Cognitive aspect of analysis of modern English phraseological units. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2020, no. 5 (211), pp. 80-86. (In Russ.) <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2020-5-80-87>, <https://elibrary.ru/bpzynu>
9. Asylbekova Ch.A., Asylbekova B.A. Phraseological somatisms of Kyrgyz language. *Vestnik Kyrgyzstana = Bulletin of Kyrgyzstan*, 2021, no. 1-1, pp. 7-12. (In Russ.) [https://doi.org/10.33514/-1694-7711-2021-1\(1\)-7-12](https://doi.org/10.33514/-1694-7711-2021-1(1)-7-12), <https://elibrary.ru/cuncnf>
10. Kislitsyna N.N., Melnichenko T.V. Features of rendering connotations in translation of expressive-evaluative metaphors in publicistic texts. *Philology. Theory & Practice*. Tambov, Gramota Publ., 2018, no. 3-1 (81), pp. 108-111. (In Russ.) <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-3-1.29>, <https://elibrary.ru/yqmhlo>
11. Isaeva I.P. Metaphors in the mirror of analogies. *Kognitivnye issledovaniya yazyka = Cognitive Studies of Language*. 2024, no. 2-2 (58), pp. 428-431. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ifjxnc>
12. Lakoff G. The contemporary theory of metaphor. *Metaphor and Thought*. Cambridge, Cambridge University Press, 1993, pp. 202-251. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139173865.013>
13. Lakoff G., Johnson M. *Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought*. New York, Basic Books Publ., 1999, 624 p. <https://doi.org/10.5860/choice.37-0239>
14. Sklyarova O.S. Metaphor as a linguocognitive mechanism of the development of fiction world picture. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 2020, no. 4 (147), pp. 113-116. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pbirka>
15. Kandybina A.V. Reflection of ideas about good and evil in Russian phraseological units. *Mezhdunarodnyi zhurnal humanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2023, no. 6-4 (81), pp. 42-44. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2023-6-4-42-44>, <https://elibrary.ru/wujazj>

Информация об авторе

ОРОЗОВА Авакхан Курбанбековна, кандидат филологических наук, доцент, доцент межфакультетской кафедры общеобразовательных дисциплин, Международного университета «Ала-Тоо», г. Бишкек, Кыргызская Республика, <https://orcid.org/0009-0004-1865-0586>, orozova-22@mail.ru

Поступила в редакцию 20.11.2024
Поступила после рецензирования 31.01.2025
Принята к публикации 06.03.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Avaskhan K. Orozova, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Interfaculty Department of General Education Disciplines, Ala-Too International University, Bishkek, Kyrgyz Republic, <https://orcid.org/0009-0004-1865-0586>, orozova-22@mail.ru

Received 20.11.2024
Revised 31.01.2025
Accepted 06.03.2025

The author has read and approved the final manuscript.